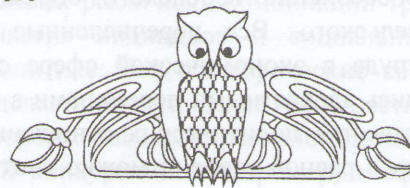

«БОЛЬШОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА»: ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАКУРСА

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru

Статья посвящена анализу нового качества современных политических процессов в демократических системах. Обоснована теоретическая эффективность использования в этом анализе политико-мифологического ракурса, учитывающего доминирование в массовом и элитарном сознании представлений о политике как наиболее важной и сложной трудовой практике.

Great Political Division of Labour: a Justification of Its Theoretical Aspect

N.I. Shestov

The paper analyses a new quality of modern political processes in democratic systems. The theoretical efficiency of the usage of a politico-mythological aspect in this analysis is substantiated with an idea of politics as the most important and sophisticated labour practice to predominate in the mass and elite consciousness.

В современных политологических исследованиях, отечественных и зарубежных, достаточно типичными стали суждения о «кризисе современной демократии». Общим для этих суждений является то, что в качестве главного симптома кризиса обычно фигурируют различные отклонения от теоретически обоснованных и проверенных почти двухвековым опытом Старого и Нового Света моделей демократического процесса. Такие отклонения наблюдаются сегодня в институциональной и правовой сферах, в электоральных процессах и процессах геополитического масштаба. Но какова логика этих отклонений и есть ли таковая вообще? Многие исследователи справедливо связывают свои поиски такой логики с нарастающей глобализацией.

Реально нынешняя глобализация не первая из пережитых человечеством. Она выглядит феноменальной и пугающей во многом потому, что современной науке удалось уловить смысл этого сложного и масштабного процесса еще где-то в восходящей его фазе, спрогнозировать его вероятные негативные экономические и политические последствия, показать ныне существующим человеческим сообществам, что они безвоз-

вратно потеряют из своего культурного наследия в результате данной глобализации. Прежние процессы такого масштаба и большой исторической длительности проходили естественным порядком. Само их наличие, их причины, ход и последствия фиксировались наукой и массовым сознанием уже по факту совершившегося, порой – по прошествии столетий.

Иначе говоря, прежние глобализации для современного научного и массового сознания есть объективно совершившийся исторический факт. Они – более или менее интересный и ценный, но давний социальный опыт. Тогда как современная глобализация является комплексом проблем, еще только подлежащих решению. Причем современная наука с большой долей вероятности способна просчитать самые катастрофические результаты решения и понизить общую меру социального оптимизма.

При такой конфигурации обстоятельств естественен научный поиск некоей сквозной логики научного анализа, которая позволила бы совместить в границах одного теоретического ракурса то, что мы знаем о ранее имевших место переменах глобального масштаба в функционировании социально-экономических и политических систем, с нашими знаниями о современных тенденциях развития этих систем.

Исторически давние глобализационные процессы неплохо описывает концепция так называемых «больших разделений труда». Эта концепция достаточно функциональна, поскольку выделяет в качестве главного основания научного анализа трудовую функцию в различных ее проявлениях, ключевую для существования любой социальной структуры. Имеются в виду такие процессы большого пространственного масштаба и большой временной длительности, как отделение

земледелия от скотоводства, ремесла – от иных видов хозяйственной деятельности, обособление городского образа жизни от сельского. Все перечисленные разделения труда в экономической сфере сопровождались адекватными переменами в структуре и качестве политических отношений, поэтому их в равной степени можно считать политическими процессами. На фоне экономических и социальных разделений труда появлялись ранние государства и ранние империи.

До определенного момента эти политические отношения и перемены в них имели характер, преимущественно производный от содержания социально-экономических перемен. Это в целом придавало политическим процессам в античных и средневековых обществах относительно низкую динамику. Можно сказать, что несколько тысячелетий политическая сфера «переваривала» те проблемы, которые были заданы древними разделениями труда. Рубежом здесь была, возможно, вторая половина XVIII и первая половина XIX столетия, когда античная идея демократии стала получать буржуазную апробацию. На этой почве сформировался новый буржуазно-либеральный облик «Запада». Для «Запада» демократия стала ведущим императивом прогресса, а это повлекло за собой то, что электоральный ресурс приобрел особое значение для бытия политических элит, в сравнении с традиционным для добуржуазных обществ непосредственным использованием ими для властвования экономических, правовых и силовых ресурсов. По мере формирования и развития демократических политических систем «западных» индустриальных обществ собственно политическая составляющая общественной жизни приобретала все большее самостоятельное значение.

Пока в минувшие полтора столетия, фактически, политикой (как особой формой и способом достижения практического результата в конкуренции интересов и ресурсов) не стало все: от регулирования народонаселения, приобщения человека к достижениям культуры до предоставления ему работы и снабжения его медикаментами и чистой водой. То, что политика приобретает некие черты тотальной реальности, «западная» научная мысль отметила уже давно, верно уло-

вив, что такая тотальность дискредитирует в массовом сознании политику как таковую.

Понимание этого нового момента наукой ничуть не изменило общей тенденции в движении политического процесса. Особенно там, где это движение имело демократическую форму. В демократических системах эта тенденция в течение XX в. даже заметно усилилась. Что-то в эволюции самой сущности политики, в ее новом состоянии, к которому она исторически пришла в XX столетии в цивилизованных политических сообществах, объективно превращало ее из «надстройки» над прочими социально значимыми практиками в самодостаточную и наиболее значимую практику, все приближающуюся по своим очертаниям и своей сути к трудовым практикам.

Это «что-то», происходившее с политикой на протяжении нескольких столетий и ставшее особенно заметным, как было сказано, со второй половины XVIII и первой половины XIX в., было процессом, который нуждается в теоретической интерпретации. Такую интерпретацию можно построить посредством упомянутой выше концепции «больших разделений труда». Для этого нужно принять точку зрения на политику как одну из специфических трудовых практик.

Такая точка зрения не противоречит ни историческим реалиям, ни формальной логике. Со времени существования самых древних политических сообществ политика признавалась людьми, наряду с выполнением сакральных функций, самой важной и трудной практической деятельностью. В большинстве случаев древние общества вообще не делали принципиального различия между политической и сакральной функциями и поручали их исполнение одним и тем же правителям и одной и той же элите, справедливо полагая, что такую ответственную работу нельзя поручить «абы кому». Политика была элитарным трудом, требующим особых качеств: мудрости, военных способностей, больших вложений личных материальных ресурсов. Классическими примерами, демонстрирующими этот исконный взгляд на природу политической деятельности, могут послужить сквозные для всей «западной» политической литературы образы греческих и римских политиков античного времени, вро-

де Цезаря и Креса. Впоследствии эти образы стали эталонными и для политических мыслителей России, разрабатывавших свою концепцию демократической политики.

Отношение к политической деятельности как «тяжкому труду» массовое сознание европейских обществ в форме политикомифологических установок донесло до наших дней. И этому есть рациональное объяснение. В условиях исторически постоянной и острой экономической и культурной конкуренции политических сообществ политика, организованная столь же разумно, как и любой другой труд, обеспечивала стабильное осуществление всех прочих трудовых функций и, следовательно, само существование социума. Как технология, политика позволяла максимально, посредством процедур быстрого принятия решений, распределения ресурсов и прямого административного и военного насилия увеличить эффективность прочих трудовых функций.

Если рассматривать политику как сферу трудовой деятельности особого отряда элиты, как особый комплекс ресурсов и технологий производства решений, управляющих общественным развитием, то можно допустить, что на нее точно так же, как на другие трудовые практики, должны распространяться общие принципы и правила внутрискруктурных и междискруктурных дифференциаций и специализаций. Как специфические проявления таких специализаций можно рассматривать политическую организацию (следуя распространенной исторической периодизации) рабовладельческих, феодальных и буржуазных социумов.

Внутрискруктурная специализация в каждый из этих периодов заключалась в том, что за определенными социальными группами естественным порядком и при помощи права закреплялась функция обеспечения их собственными временными, интеллектуальными, демографическими и материальными ресурсами процесса производства управленческих, нормотворческих и военно-силовых решений. Этот процесс находил свое отражение в развитии сословной структуры «западных» обществ.

Междискруктурная специализация в эти исторические периоды определялась тем, что разные народы и государства «Запада» по-

шли (объективно и по причине особых интересов своих господствующих элит) по пути создания самых различных комбинаций трудового участия индивидов и социальных групп в политике. Эти специфические комбинации делали политические сообщества, с одной стороны, заведомо расположенными к взаимной конкуренции, например, в сфере отстаивания своих экономических интересов и в то же время определяли заведомое неравенство их возможностей в такой конкуренции.

Поэтому одни сообщества делали ставку на максимальную «доработку» до логического и фактического предела некогда найденных удачных комбинаций политического участия. Другие же делали ставку на стратегию ускоренной смены таких комбинаций (политические модернизации). Третьи принимали какие-то промежуточные варианты, из потенциально бесчисленного их множества.

В общем плане все происходившее в «западной» политике можно сравнить с тем, что в свое время экономически, а также культурно развело и политически противопоставило кочевые и земледельческие народы. Все они прекрасно владели навыками скотоводства, охоты, рыболовства и земледелия, знали примерно один набор ремесел. Но те и другие по-разному комбинировали в своей структуре соотношение и значения этих трудовых практик. И это создавало устойчивую почву для специфической политической идентичности кочевников и земледельцев и их постоянной конфликтности.

Стремление к доминированию на уровне мировых геополитических стандартов побуждало европейские политические сообщества искать все новые комбинации трудового участия различных индивидов и групп в политике, наращивать потенциал эффективности политического участия граждан и элит. Это привело, в определенный момент, к тому, что реанимированная прежде силами науки в общественном сознании идея демократии уже просто как идея, вдохновляющая наиболее сознательных граждан, перестала устраивать практическую политику. Нужна была технологичная политика. Нужна была демократия как такая технология политического участия, при которой любой акт такого участия является актом преобразования ма-

териальных, интеллектуальных и временных ресурсов в конечный политический «продукт», то есть все является производительной работой. Но «западные» социумы и их политические элиты подошли к исчислению такого трудового вклада в политику с самых разных правовых, экономических, религиозно-этических позиций. И, прежде всего, с позиции своего наработанного опыта внутриструктурной организации политического участия. Поэтому «западная» демократия как система, при наличии в ней некоей общности научных и обыденных представлений о ее принципах и формах, в разных социально-политических системах приобрела различный практический облик. Наметилось нечто сходное с некогда имевшими место «большими разделениями труда», но уже сугубо в политической сфере.

Доминирование в «западной» политике императива демократии и отношение к политике как важнейшей трудовой практике привело внутрискруктурную и межструктурную специализацию политического труда в ныне существующих политических системах к тому состоянию, для определения которого вполне подходит понятие «большое политическое разделение труда». Есть политические сообщества, которые давно и однозначно сделали свой выбор в пользу либеральной демократии как регулятора всех социальных практик, включая, в первую очередь, политические практики. Они намеренно возвели идеи и принципы демократии в ранг идеологических ценностей и при помощи политической науки, истории и философии дистанцировали эти священные для них принципы от активно критикуемой демократической реальности. Эти демократические сообщества составили, образно выражаясь, мир «политических земледельцев», которые год за годом удобряют и возделывают свои «политические грядки», налаживают между собой (в том числе посредством научного общения и посредством создания различных международных институтов, координирующих их внешнюю и внутреннюю политическую жизнь) взаимовыгодный обмен опытом и другими «продуктами» своего демократического развития. И им удастся десятилетие за десятилетием, несмотря на серьезные трудности «политической погоды» в мире, соби-

рать устойчивый «урожай» легитимности действующих демократических институтов и принципов, на которых они основаны. Для них главное – любыми средствами поддерживать этот сложившийся политический, экономический и культурный порядок, что объективно побуждает их к цивилизационной обособленности. Это можно назвать феноменом «золотого миллиарда» или как-то иначе, но это есть.

Другие демократические сообщества, подобно восточноевропейским странам бывшей «народной демократии» и подобно государственным образованиям на постсоветском пространстве, «зависли» в состоянии «демократического транзита». Более того, по тому, как в ходе системных реформ выстроилось в них соотношение исконных и заимствованных либерально-демократических императивов и политических, экономических и культурных практик, можно сказать, что состояние «демократического транзита» стало для них перманентным. Образно ситуацию можно сравнить с положением кочевников, которые, вроде бы, постоянно находятся в движении, постоянно перемещаются с одной политической и хозяйственной позиции на другую. В действительности же это движение происходит по замкнутому кругу меняющихся, но, в принципе, одних и тех же проблем и позиций.

Этот демократический «политический номадизм» (его в общем-то и не совсем правомерно называть «транзитом», поскольку в большинстве случаев очень идеологически смутно определена исходная платформа и конечная цель перехода) имеет все шансы прижиться и составить, как стратегия трудового участия в политике элит и обществ, весомую альтернативу порядку жизни сообществ демократических «земледельцев». Он обладает своими несомненными преимуществами. Важнейшие из них связаны с режимом властвования политических элит. «Политический номадизм» создает для элиты более гибкий порядок маневрирования материальными ресурсами (можно, например, завершив одну экономическую программу, переходить к следующей), культурными ресурсами (можно различным образом комбинировать для решения политических проблем традицию и право, исторический опыт и

текущие потребности). Политика как трудовая практика (образно выражаясь, в стиле перекочетов на «свежие пастбища») каждый раз начинается как бы на новом месте, с новыми ресурсами и в новом временном континууме. Тем самым и в этом несомненная выгода для политических элит, в процедуре властвования баланс в системе «возможность—ответственность» объективно смещается в пользу возможностей в ущерб ответственности.

В определенном смысле в длительном поддержании такой ситуации могут быть заинтересованы и общества. Та общественная пассивность в отношении к ходу демократических и рыночных реформ, переходящая в неконтролируемые вспышки «цветной» революционной активности граждан, которую можно было наблюдать в Восточной Европе и на всем постсоветском пространстве, может быть, конечно, объяснена свойствами той или иной национальной ментальности. К этой проблеме можно подойти и с другой стороны, с точки зрения конструктивного общественного интереса. «Политический номадизм» создает ситуацию перманентной непредрежденности любого результата любых реформ. Как норма воспринимается массовым сознанием (а, отчасти, и научным сознанием) ситуация идеологической непроговоренности и незафиксированности этих результатов. Это, в определенном смысле, спасительная ситуация для обществ, где конфигурация экономического разделения труда в настоящее время не совпадает с конфигурацией политического разделения труда, где существует жесткое противостояние общественных и элитарных представлений о возможностях мобилизации частных ресурсов на решение общественных задач, где интересы социальных групп не воплощены в гражданских институтах, то есть обществ, где есть такие проблемы, которые делают в принципе невозможным окончательное завершение демократического транзита по либерально-демократическому плану «западно-го образца».

Элиты и общество в приверженности «политическому номадизму» объединяет понимание: если привести весь «демократический транзит» к какому-то окончательному итогу, то, с учетом сверхзатрат ресурсов на

решение упомянутых проблем и с учетом неизбежного временного лага, они могут оказаться неконкурентоспособными в отношениях с сообществами демократических «земледельцев». При существующем раскладе сил и ресурсов в мировой политике безопаснее и выгоднее продолжать политическое «кочевание».

В возникшем «большом политическом разделении труда» заложено решение проблемы, которая, возможно, является ключевой для понимания логики современного «кризиса демократии». Современная демократия в целом лишена возможности вновь и вновь возобновлять легитимность своих базовых принципов и институтов, апеллируя к недостаткам альтернативных ей по сути политических систем и доктрин. Господство демократического императива в политическом процессе обернулось для мирового сообщества демократических систем необходимостью постоянно искать источники для легитимации внутри себя самого, в своих внутренних противоречиях, в успехах одних сообществ и неудачах других по их решению. Очевидные преимущества в жизни демократических обществ с устоявшейся и почти сакрализованной демократической традицией и столь же очевидные недостатки (с точки зрения классических принципов демократии) в жизни сообществ «демократического транзита» обеспечивают необходимую эффективность различным процедурам легитимации демократии.

«Большое политическое разделение труда», состоявшееся в группе демократических сообществ, имеет перспективу пойти дальше и привести к еще более масштабному, глобальному размежеванию. Симптомы такого размежевания хорошо просматриваются на уровне экономических, религиозных, этнических конфликтов в современном мире. Возможно, что одним из оснований для «глобального политического разделения труда» будет отношение разных мировых политических сообществ к идее и практике современной демократии в ее «земледельческом» (традиционно стабильном) и «кочевом» (транзитном) вариантах.

У этой возможности есть свое основание. Соперничество и сотрудничество «традиционных» и «транзитных» демократиче-

ских систем включает процедуры активного насаждения идей и институтов демократии в обществах, еще не сделавших свой «демократический выбор». Своей длительной колониальной политикой в предшествующие столетия и последующим закреплением за собой контроля над «сферами жизненных интересов» в мире, «западные» политические сообщества создали себе дополнительные благоприятные условия для ускоренного «большого» разделения между собой политического труда. В том смысле, что разные сообщества получили и разные возможности в использовании ресурса колониальной политики для решения своих проблем. Конкурируя друг с другом и вовлекая в эту конкуренцию «третий мир», «западные» демократии, а сегодня к ним активно присоединились и сообщества «демократического транзита», вывели проблему «демократического выбора» на уровень важнейшей глобальной проблемы. Уже сегодня можно наметить в мире деление политических сообществ по признаку положительного или отрицательного отношения к идее «демократического выбора».

Поэтому возможно, что, подобно древним «разделениям труда», нынешнее «большое политическое разделение труда» между

отдельными участниками «западного» демократического процесса со временем может перекинуться и на те политические сообщества, которые пока стоят в стороне от демократического «магистрального пути» развития современной цивилизации, справедливо полагая, что в деле проведения политических модернизаций особо спешить не стоит. Между ними также, возможно, возникнет разделение на тех, кто из прагматически-политических соображений примкнет к лагерю политических сообществ, сделавших демократию традицией, то есть стержнем своей внутривидовой организации, и тех, кто из таких же прагматических соображений подключится к группе сообществ, существующих в режиме перманентного «демократического транзита». Во всяком случае, с учетом тех практических выгод, которые дают политическим элитам и обществам обе стратегии развития, такое развитие событий исключить нельзя. Подобно тому, как ранние цивилизованные сообщества стали земледельческими и кочевыми, урбанистическими и сельскими, в перспективе это может быть стимулом к появлению каких-то новых цивилизационных идентичностей и к перегруппировке на их основе политических сообществ.

УДК 32.01

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.Н. Митрохина

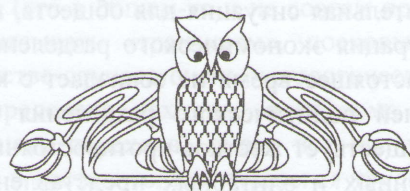
Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: mtn002@rambler.ru

В рамках статьи анализируются как позитивные, так и негативные следствия такого явления, характерного для политической науки, как заимствование познавательных систем из точных, естественных и социально-гуманитарных наук, определившее на многие годы и десятилетия вперед развитие методологической базы политической науки.

Extrapolation of Cognitive Systems as a Specific Feature of Methodology of a Political Science

T.N. Mitrokhina

In the frames of the article both positive and negative consequences of such phenomenon as a loaning cognitive systems from the extract natural and social-humanities sciences are analyzed. This has determined the development of methodological base of politic science many years ahead.

Методологические особенности современной политической науки можно охарактеризовать исходя из того факта, что политология в качестве самостоятельной отрасли научного знания формировалась в результате дифференциации обществознания, естественным следствием чего явилось частичное наследование исторической и правоведческой методологической базы. Вторым не менее значимым биографическим фактом политологии, определяющим ее теоретико-методологические особенности на многие годы